

стояний твоей личной жизни, что воспринимаются они уже как факты собственной твоей биографии.

Люблю и часто повторяю фразу Мандельштама о том, что биография разночинца — это список книг, которые он прочитал. В нашей стране все мы так или иначе разночинцы (аристократов что-то не видно, и биографии наши будут не полны также и без списка просмотренных спектаклей. Не всех подряд, разумеется, а тех, которые послужили как бы этапами нашего, простите за школьность формулировки, духовного становления.

Так вот, для меня и для многих дорогих мне людей таким этапом стал спектакль «Добрый человек из Сезуана», поставленный известным вахтанговским артистом Юрием Любимовым со своими учениками, третьекурсниками Театрального училища имени Щукина.

Кто же из москвичей моего поколения не ходил в Щукинское на курсовые или дипломные спектакли, не томился по тамошним красавицам, не предугадывал в его блестящих, легких, поющих и танцующих выпускниках будущих «звезд» театра и кино?

В тот сентябрьский вечер шестьдесят третьего, войдя в студийный зрительный

зал, я тотчас ощутил то самое волнение, которое предвещает не просто художественное впечатление, но событие личной жизни. Простите, но это, как при внезапной встрече, обещающей «роковую» любовь...

Два студийца, два будущих актера, наигрывая на аккордеоне и гитаре, зазывали публику непривычными песенками, вроде бы знакомыми, городскими, неприятельными, но в то же время составляющими вздрогнуть свою беспощадной философичностью. А автор этих песенок, которые называются «зонгами», автор жестокой поэтической притчи, которую предстояло пережить, смотрел с портрета пронизательным взглядом насмешника и политика.

Конечно, этот спектакль щукинских третьекурсников, положенный в основу будущего неповторимого театра, был политическим. Не стремились бы к этому, не играли бы Брехта. Но политическим не в пошлом, назойливом, узкопартийном смысле, а в самом что ни на есть творческом. Там не показывали фигу в кармане, а играли действо о неразрешимой беззащитности добра и о бессилии жестокости перед любовью. Это и про Китай, и про Германию, и про Америку, и про Россию. Это про всех и на все времена. Что же касается аллюзий..

без них, естественно, не обошлось. То в зонах обнаруживали они себя, то в московской узнаваемости исполнителей — Эины Славной, Аллы Демидовой, Бори Хмельницкого...

На утро они проснулись знаменитыми. А многие их зрители едва ли не до этого самого утра пробродили по сентябрьской Москве в состоянии блаженного согласия с миром, с искусством, с осенью, со своею молодостью.

За всех не поручусь, но за себя и за Гошу Полонского отвечаю. Он потом написал самую первую рецензию на этот спектакль будущего театра. А я приложил немало отчаянных усилий для ее публикации в самом популярном тогда еженедельнике.

Все-таки не так бедна молодость, не желавшая расхотиться по домам не после митинга, а после спектакля...

АН. МАКАРОВ.

Минусур. - 1993. - б.шарж.
За год - с.д.

до Таганки

О сварах и скандалах в Театре на Таганке не могу читать без сердечного утешения. Без какой-то наивной, почти детской обиды.

Удивляться нечему. Бывают явления искусства, настолько реально вошедшие в твой внутренний мир, в твою судьбу, настолько неотделимые от памятных со-